

Лекция 1.

Тема 1. Основные проблемы перевода.

1. Раскрытие контекстуальных значений в переводе.
2. Проблема единицы перевода.
3. Природа и опасность буквального перевода.

1. Раскрытие контекстуальных значений в переводе.

Контекстуальные значения возникают в процессе употребления слов в речи, в зависимости от окружения, и реализуются под действием узкого, широкого и экстралингвистического контекста. По степени частотности можно различать узуальные (повторяющиеся) и окказиональные (случайные, индивидуальные) контекстуальные значения. Первые с течением времени, по мере накопления наблюдений, переходят в разряд вариантных соответствий. Вторые могут появляться и исчезать как проявление субъективного употребления слов тем или иным автором и чаще всего встречаются в художественной литературе.

“Превращение “окказионального” употребления слова в узуальное” является одним из наиболее частых путей развития многозначности.” Х. Касарес приводит ряд причин, побуждающих говорящего отбросить “общепринятое слово, которое вертится у него на языке”, и заменить его другим, “употребленным в необычном для него значении”. Это в основном, внезапная ассоциация представлений, душевное возбуждение (очевидно, состояние аффекта), стремление к экспрессивной насыщенности, к достижению комического эффекта или просто желание обратить на себя внимание слушающего или читателя. Именно окказиональное, необычное употребление слова и причины, побуждающие к этому, должны обязательно учитываться переводчиком.

Лишь некоторые словари указывают узуальные контекстуальные значения. Сопоставление данных словаря Мюллера в последнем 14-м издании с БАРС свидетельствует о том, что словарь может фиксировать и контекстуальные значения, если это словарь не только вокабул, но и словосочетаний. Например, прилагательное *academic* в словаре Мюллера имеет только вариантные соответствия: академический, университетский, академичный. БАРС с помощью устойчивых словосочетаний раскрывает и дополнительные, контекстуальные значения этого слова: *academic year* учебный год, *academic failure* неуспеваемость, *academic argument* чисто теоретическое доказательство. Вполне уместно было бы добавить и *academic question* теоретический вопрос.

Однако контекстуальные значения не привносятся извне, а являются реализацией потенциально заложенных в слове значений. Это можно установить из смысловой структуры слова.

“Определение лексического значения слова через раскрытие его смысловой структуры как системы двусторонних минимальных лексических единиц – лексико-семантических вариантов слова позволяет учитывать обычно ускользавшие из поля зрения исследователя такие факторы, определяющие лексическое значение, как: 1) общественно осознанные и отстоявшиеся (системные) контексты употребления слова; 2) принадлежность данного слова к определенному семантическому или лексико-грамматическому разряду слов; 3) конкретные лексические связи с другими словами, обусловленные присущими данному языку моделями семантической сочетаемости словесных знаков; 4) семантические соотношения слов с синонимами и другими близкими по значению словами в системе языка в целом”.

В приведенном выше определении, данном А. А. Уфимцевой, содержится перечень факторов, определяющих характеристику слова как базисной единицы языка, фиксируемой вокабуляром, и как минимальной единицы речевого потока. Однако не совсем полный перечень, так как в нем отсутствуют показатели стилистической и экспрессивной характеристики слова как единицы языка.

Упомянутые в последнем пункте “соотношения слов с синонимами и другими близкими по значению словами в системе языка в целом” свидетельствуют о необходимости широкого понимания синонимии для полноты раскрытия смысловой структуры слова. Именно такое понимание синонимии устраивает переводчика. Что касается лексикографии, то далеко не всегда двуязычный словарь может полностью отразить смысловую структуру иноязычного слова. И уж конечно, даже точный перевод не может раскрыть место, занимаемое этим словом “в системе языка в целом”.

Ни в одном англо-русском словаре еще не зафиксированы типичные для общественно-политической литературы значения следующих прилагательных: *ruthless* бессовестный, беззастенчивый, ни перед чем не останавливающийся; *cynical* скептический; *cold-blooded* коварный; *wanton* зверский (в сочетании *wanton murder* зверское убийство). Возникает вопрос: являются ли эти значения объективной языковой данностью или контекстуальными значениями? Несомненно то, что все перечисленные прилагательные имеют именно эти значения в определенных словосочетаниях. Например: *the ruthless War Secretary Stanton* не брезгающий никакими средствами военный министр Стэнтон, *cold-blooded plans* коварные планы, *cynical appreciation of economic set-up* скептическая оценка экономической конъюнктуры, *wanton murder of Negroes* зверское убийство негров. В ряде случаев можно, видимо, говорить о “сочетаемости” значении слов. Нередко раскрытие контекстуального значения слова зависит от широкого контекста, от контекста соседнего предложения или даже от содержания целого абзаца. Очень четко обнаруживается эта зависимость, когда в соседних предложениях встречаются близкие синонимы различной интенсивности, и переводчик решает задачу сохранения такого же соотношения между русскими синонимами.

The press proprietors have taken the Tories' point and for many years the noisy presses of Fleet Street have skilfully maintained an almost total silence on Irish affairs. It was an effective blackout. {Labour Monthly).

Магнаты прессы усвоили точку зрения консерваторов, и на протяжении многих лет крикливые органы печати Флит-стрит не обмолвились ни словом о положении в (Северной) Ирландии. Это был настоящий заговор молчания.

Конечно, вполне возможен и вариант: хранили молчание о положении в Ирландии, но и в этом случае *blackout* все равно потребует более “сильного” слова в переводе, чем молчание. В английском языке это существительное продолжает обогащаться новыми значениями, и в данном тексте оно имеет значения, впервые зарегистрированные словарями в 60-х годах: засекречивание, цензурный запрет. Однако здесь речь идет о неофициальном решении замалчивать напряженное положение в Северной Ирландии, о сговоре между газетными магнатами, который с полным основанием можно назвать заговором молчания. Это контекстуальное раскрытие значения слова фактически осуществлено приемом экспрессивной конкретизации, и законность его можно подтвердить лишь в результате анализа стилистических особенностей всей статьи.

Нелегко установить контекстуальное значение глагола *resent* и его производных. Негодовать, возмущаться, обижаться (БАРС) не исчерпывают всех отрицательных эмоций, охватываемых смысловой структурой *resent*. Поскольку это слово отличается высокой частотностью употребления в художественной литературе, легко убедиться в том, что оно способно выражать целый ряд других эмоций.

В романе Ричарда Олдингтона “Все люди – враги” Тони Кларендон вскоре по окончании первой мировой войны, когда воздух воевавших стран еще был насыщен ненавистью и подозрительностью, попал в Швейцарию и с легким сердцем шел по улицам Базеля.

Никто не провожал его пристальным взглядом, когда он шел по улице, никто не спрашивал у него документов, никто, по-видимому, не злобствовал на него за то, что он иностранец. (Пер. О. А. Ефимовской. Ред. М. П. Богословская. М., 1959)

В подлиннике мы читаем:

Nobody stared at him as he walked, nobody asked for his papers, nobody – seemed to resent him as a foreigner. (R. Aldington. All Men are Enemies)

Здесь *resent*, конечно, не выражает ни негодования, ни возмущения, ни обиды. Абсолютно точно найдено значение *злобствовал*.

Этот же оттенок значения выражен прилагательным *resentful* в другой сцене романа, где Тони Кларендон встречается со своим бывшим товарищем, переметнувшимся из социалистов в лагерь твердолобых консерваторов:

“But are you still a Marxian Socialist?” asked Tony point-blank.

The old resentful light jumped into Crang’s eyes at this blunt question, but he replied with a wonderful show of urbanity...

– Но вы, по-прежнему, социалист и последователь Маркса? – спросил Тони в упор.

Злобный огонек снова сверкнул в глазах Крэнга при этом бестактном вопросе, но он с преувеличенной любезностью ответил...

А вот в другом контексте того же романа Кларендон, уцелевший после трех лет пребывания на фронте, в первые дни после перемирия с отвращением слушает в Лондоне напыщенную болтовню окопавшихся тыловых крыс:

Antony found some difficulty in maintaining these conversations; and rather resented it after the easy friendliness of the line.

Энтони было трудно поддерживать такого рода разговоры; после простых товарищеских отношений в армии эта напыщенная болтовня раздражала его.

Бесспорно, здесь контекст и обстановка диктуют с максимальной вероятностью значение раздражала.

В том же романе существительное *resentment*, выступая в ином контексте, раскрывает еще одну новую грань, семантически близкую приведенным выше:

...whenever Margaret was with Helen Marsland, Harold’s sister, they immediately formed a feminine alliance against him, trying to push him into the same class as the schoolboys. He found it impossible to get up any resentment against this childish female cheek, as was apparently expected.

... когда Маргарэт бывала с Элен Марслэнд, сестрой Гарольда, они тотчас же объединялись против него в женский союз и всячески давали ему понять, что они ставят его на одну доску с мальчишками. Он не мог сердиться на эту ребячливую женскую заносчивость, а им, по-видимому, ужасно этого хотелось.

Сердиться – новое значение слова, причем и английское существительное, и соответствующий русский глагол выражают признак, точно характеризующий душевное состояние человека.

Наконец, можно встретить в том же романе и наречие *resentfully*.

“What! Filomina, be careful what you are saying! Is this true?”

“Per Vacco! Why should I deceive a friend?” answered Filomina proudly and resentfully.

– Что? Филомена, вы думаете о том, что вы говорите? Это правда?

– Per Vacco! Зачем мне обманывать друга? – гордым, негодующим тоном возразила Филомена.

На этот раз контекст и ситуация с несомненностью подсказывают значение негодований, возмущения.

Мы проследили использование слова, выражающего сложный комплекс отрицательных эмоций, в форме глагола, существительного, прилагательного и наречия и убедились, что кроме словарных соответствий – негодования и возмущения, оно может выражать и широкое понятие – неприязнь, и более конкретные чувства злобы, раздражения и рассерженности.

Не всегда показания двуязычных словарей – кратчайший путь к установлению контекстуального значения слов. Вместо подлинной многозначности переводный словарь нередко регистрирует мнимую многозначность английского слова, отличающегося

широкой семантикой. В таких случаях лучше ориентироваться на данные толковых англо-английских словарей.

Некоторые из них пытаются, наряду с частными значениями, определить и ядро значения слова. Так, словарь Аннандейла "The Concise English Dictionary" наряду с глубоким чувством обиды и негодования, вызванным причиненной несправедливостью дает и обобщенное резкое недовольство. Таким образом, все перечисленные выше частные, а также общее значение недовольство, нетерпимость входят в число вариантных соответствий слова *resentment*.

Лучшей проверкой действенности показаний словарей, конечно, может служить переводческая практика. Ведь все без исключения русские соответствия рассмотренных выше глагола и существительного представлены в английском языке отдельными словами: негодовать *to be indignant*, возмущаться *to be exasperated*, обижаться *to be hurt*, испытывать досаду *to be annoyed*, быть недовольным *to be displeased*, быть нетерпимым *to be intolerant*. И все же, например, в хорошем переводе рассказа Чехова "Переполох" слово обида дважды передано посредством *resentment*.

И к этому чувству обиды присоединился еще тяжелый страх: что теперь будет?! (А. П. Чехов. Собр. соч., т. 3. М., 1961)

And to this feeling of resentment was added an oppressive dread of what would come next. (50 Great Short Stories. Edited by Milton Crane. Bantam Books, Inc. 1952). ... и от всего этого-от страха, стыда, от обиды – началось сильное сердцебиение, которое отдавало в виски, в руки, глубоко в живот.

...all this terror, shame, resentment, brought on an attack of palpitation of the heart, which set up a throbbing in her temples, in her heart, and deep down in her stomach. Надо думать, что переводчица Констанс Гарнетт, посвятившая сорок лет своей жизни переводу русских классиков, не случайно выбрала столь емкое слово как *resentment* для передачи слова обида, так как в данном конкретном случае к обиде девушки – гувернантки в богатом доме – примешивалось и негодование, и возмущение бесцеремонностью хозяйки, рывшейся в ее вещах и белье в поисках пропавшей брошки. Здесь важно было дать английское слово, выражающее весь сложный комплекс эмоций.

Однако, при переводе на русский язык, поскольку в нем не существует слова с такой же широкой семантикой и, что самое главное, с таким же точно составом смысловых компонентов – сем, как английское *resentment* или соответствующий глагол *resent*, естественно невозможно предвидеть все потенциальные коннотации значений этих английских слов в речи и перечислить русские вариантные соответствия им в двуязычном словаре. Поэтому, как мы увидим далее, в главе 2, нередко возникает необходимость в лексических трансформациях для раскрытия контекстуальных значений упомянутых слов. Конечно, *resentment* и *resent* далеко не единственные единицы словарного состава, которые, будучи использованы в часто повторяющихся, стандартных значениях, имеют определенные вариантные соответствия в русском языке, и наряду с этим, в контекстуальных значениях требующие каждый раз трансформационной передачи при помощи различных приемов лексической трансформации.

2. Проблема единицы перевода.

Под единицей перевода мы имеем в виду такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, по составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода. Иначе говоря, единица перевода — это наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте на ИЯ, которая имеет соответствие в тексте на ПЯ; она, как мы увидим дальше, может обладать сложным строением, то есть состоять из еще меньших единиц ИЯ, но части ее, по отдельности взятые, «непереводимы», то есть в тексте перевода им никаких соответствий установить нельзя, даже если в ИЯ они обладают своим собственным, относительно самостоятельным значением.

В языкознании принято считать, что минимальной значимой единицей является морфема. Это действительно так; однако, как мы увидим из дальнейшего изложения, морфема лишь в крайне редких случаях выступает в качестве единицы перевода. Дело в том, что, во-первых, весьма многочисленны случаи, когда единым, нечленимым значением обладает не морфема, а языковая единица более высокого уровня — слово, словосочетание или даже предложение; во-вторых, даже тогда, когда эти единицы более высокого порядка — слова, словосочетания, предложения — являются семантически членимыми, то есть когда их части (в том числе морфемы) обладают своим относительно самостоятельным значением, нередко в ПЯ им соответствует одна нечленимая единица, в составе которой нельзя найти соответствий частям единицы исходного текста. В таких случаях единицей перевода оказывается, опять-таки, не морфема (а часто даже и не слово и не словосочетание), а вся более "высокая" единица ИЯ-

По сути дела единицей перевода может быть единица любого языкового уровня. Поэтому необходимо, прежде всего, выяснить, какие уровни языковых единиц выделяются в структуре языка вообще.

В современном языкознании принято различать следующие уровни языковой иерархии:

- уровень фонем (для письменной речи — графем);
- уровень морфем;
- уровень слов;
- уровень словосочетаний;
- уровень предложений;
- уровень текста.

В зависимости от того, к какому уровню относится единица перевода (то есть минимальная единица в ИЯ, которой может быть найдено соответствие в тексте на ПЯ), мы будем различать соответственно: перевод² на уровне фонем (графем), на уровне морфем, на уровне слов, на уровне словосочетаний, на уровне предложений, на уровне текста. Рассмотрим теперь несколько подробнее эти случаи перевода на различных уровнях языковой иерархии.

3. Природа и опасность буквального перевода.

По вопросу о буквальном переводе не существует единого мнения. Так, Альфред Мальблан, разделяя все виды перевода на две категории — прямой и косвенный (*traduction directe, traduction oblique*²) ставит буквальный перевод в один ряд с двумя другими видами прямого перевода — калькой и заимствованием. Однако ни транскрипцию, ни транслитерацию нельзя считать буквальным переводом. По существу это беспереводное употребление иностранного слова, которое может быть усвоено языком перевода и стать заимствованием. Существуют два источника и два типа буквализма. Первый, более примитивный тип, своего рода «детская болезнь» начинающих переводчиков, коренится во внешнем сходстве иностранных и русских слов, сходстве графическом или фонетическом. Это буквализм этимологический. Внешнее сходство далеко не всегда означает идентичность или даже близость значения. Можно привести длинный список английских и французских слов, имеющих «этимологические» соответствия в русском, которые на самом деле оказываются мнимыми. Такие слова, сходные по написанию или звучанию, принято называть «ложными друзьями переводчика».

Конечно, есть немало подлинно интернациональных слов-терминов, и с каждым годом их становится все больше благодаря международному сотрудничеству специалистов и ученых, вырабатывающих согласованную международную терминологию на съездах и конференциях. Но следует отличать от них псевдоинтернациональные слова, относящиеся к категории «ложных друзей». В «Англо-русском и русско-английском

словаре «ложных друзей переводчика», изданном в 1969 году под общим руководством В. В. Акуленко, рассматривается свыше семисот русских слов, имеющих примерно 300—350 мнимых соответствий в английском языке. Как правило, это английские слова с широкой семантикой, лишь одно из значений которых аналогично русскому. Например, существительное record, кроме аналогичного рекорд, имеет десяток других значений. Менее часты случаи, когда похожие английские и русские слова вовсе не имеют общего значения, как например, magazine журнал, complexion цвет лица, а не телосложение, decade десять лет, compositor наборщик (в типографии).

В нашей прессе сообщалось, что в результате землетрясения в Никарагуа столица Манагуа «практически» разрушена полностью. Этого буквализма не было бы, если бы переводчик потрудился заглянуть в упомянутый словарь-справочник, где под 4-м значением слова practically указан перевод почти. Кстати говоря, это наиболее распространенное в английской и американской прессе значение слова practically.

К сожалению, в списке «ложных друзей переводчика» читатель и переводчик публицистики и газеты не найдет некоторых очень нужных слов.

Второй тип буквализма, более сложный и коварный, чем буквализм этимологический, состоит в использовании переводчиком наиболее распространенного значения слова вместо контекстуального или перевод фразеологизма на основе отдельных значений его компонентов. Повторное hear! hear! вовсе не означает слушайте! слушайте!, т. е. призыв к вниманию на собрании, а горячее одобрение: правильно! правильно!. Хотя приведенное значение уже было зафиксировано в Англо-русском словаре Мюллера в 1960 году (7-е издание), это не помешало даже опытным переводчикам ошибаться и в последние годы. Так, например, в переводе повести Тамары Хови «Стремления маленькой мошки» читаем:

... — Стоит нам заговорить о политике, как у тебя делается этакий высокомерный вид...

— Никакого у меня нет высокомерного вида, Просто меня не интересует политика.

— Слушайте, слушайте,— сказала студентка с археологического.

(«Иностранная литература», 1969, № 12)

Как можно видеть из приведенных примеров, и этимологический, и семантический буквализм одинаково приводят к искажению смысла в переводе.

Более ста лет тому назад Ф. Энгельс приводил пример буквалистической ошибки переводчика, когда в немецком отчете о состязаниях в гребле оксфордских студентов было сказано, что краб зацепился за весло одного из гребцов. Между тем, to catch a crab означает «завязить» весло, «поймать леща» (БАРС). По-видимому, немецкий репортер не только был плохо знаком с английским языком, но и не знал, что крабы в Темзе не водятся. Однако через много лет (в 1937 г.) та же ошибка была повторена в русском переводе романа Голсуорси «Сдается в наем». Повторена, несмотря на то, что данная фразеологическая единица уже была зафиксирована в англо-русских словарях.

Литература:

1. [Алексеева И.С., Введение в переводоведение: учеб. пособ. / И.С. Алексеева. – 4-е изд., стер. – М.: Академия, 2010. – 368 с.](#)
2. [Бархударов Л.С., Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.](#)
3. [Бреус Е.В., Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учеб. пособ.– М.: УРАО, 2004. – 208 с.](#)
4. [Паршин А., Теория и практика перевода. Изд. СГУ, Русский Язык, 2000. – 205 с.](#)
5. [Рецкер Я.И., Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Ермоловича Д.И. – 3-е изд., стереотип. – М.: «Р.Валент», 2007. – 244с.](#)

Тема 2. Приёмы перевода.

- 1. Приём антонимического перевода.**
- 2. Приём целостного преобразования.**
- 3. Компенсация.**

1. Приём антонимического перевода.

Антонимический перевод представляет собой замену какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания. Например:

Stradlater didn't say anything.

Стрэдлейтер промолчал.

I'm not kidding.

Я вам серьезно говорю.

В первом предложении английская отрицательная конструкция передается русской утвердительной, а глагол say сказать заменяется его русским антонимом промолчать. Во втором предложении также происходит замена отрицательной конструкции на утвердительную и замена выражения to be kidding шутить его антонимом говорить серьезно. Такая двойная замена даёт в итоге то же самое значение предложения в целом.

Типично применение антонимического перевода при передаче на русский язык английской конструкции с not... (un)til...; при этом (un)til заменяется на лишь тогда, только (тогда), когда и пр., которые могут в определенном смысле считаться его антонимами.

They gave me the wrong book, and I didn't notice it till I got back to my room.

Я только дома заметил, что мне дали не ту книгу.

I didn't think of it till we went half-way through the park.

Вспомнил я об этом, когда мы уже проехали почти весь парк.

Нужно иметь в виду, что отрицание в английском языке выражается также при помощи предлога without:

He never met him afterwards without asking him... (S. Maugham, A Creative Impulse)

После этого он всякий раз при встрече спрашивал его... (пер. М. Лорие)

Особой разновидностью антонимического перевода является замена прилагательного или наречия в сравнительной или превосходной степени прилагательным (наречием) в положительной степени или наоборот, сопровождаемая заменой утвердительной конструкции на отрицательную (или наоборот).

I'm the most terrific liar you ever saw in your life.

Я ужасный лгун — такого вы никогда в жизни не видали.

It wasn't as cold as it was the day before,

Стало теплее, чем вчера.

2. Приём целостного преобразования.

Целостное преобразование является разновидностью смыслового развития. Приём целостного преобразования можно кратко определить как преобразование отдельного слова, а порой и целого предложения. Причем преобразование происходит не по элементам, а целостно.

Как это наблюдается и в отношении других приемов лексических трансформаций, традиции языковых контактов использовала ряд целостных преобразований частотных лексических единиц и закрепила их результаты как словарные соответствия – постоянные и варианты. Особенно много таких соответствий среди словосочетаний живого разговорного языка. Например:

How do you do? Здравствуйте.

Never mind. Ничего, не беспокойтесь, не обращайтесь внимания.

Forget it. Не стоит говорить об этом.

Shut up! Заткнись.

Well done! Bravo! Молодец!

Все приведенные примеры показывают, что эти разговорные соответствия не имеют общих семантических компонентов, обладают различной внутренней формой и в тоже время передают одно и тоже содержание средствами разных языков. Специфика разговорной речи чаще всего требует целостного преобразования при переводе.

Перевод сочетания 'forget it!' в вышеприведенном перечне сделан при помощи приема смыслового развития: русское соответствие, конечно, является заменой самого действия (забудьте об этом) его причиной (не стоит об этом говорить). Еще точнее эту замену следовало бы определить как прием антонимического перевода. Однако отсутствие общих компонентов между английским словосочетанием и его русским соответствием дает право считать, что он произведен путем целостного преобразования.

Сказанное выше объясняет в достаточной степени, почему целостного преобразования служит универсальным средством перевода фразеологических единиц. Например:

Bird of a feather flock together. Рыбак рыбака видит из далека.

In for a penny in for a pound. Назвался груздем полезай в кузов.

Образная замена образных выражений с помощью целостного преобразования, несомненно, важное условие достижения адекватного перевода.

3. Компенсация.

Компенсацией при переводе следует считать замену непередаваемого элемента ИЯ каким-либо другим средством, который передаёт ту же самую информацию, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике. Вот пример компенсации при переводе с английского языка на русский:

"Why don't you write a good thrilling detective story?" she asked. "Me?" exclaimed Mrs Albert Forrester...

— А почему бы вам не написать детективный роман, такой, чтобы дух захватывало? — Чего? — воскликнула миссис Форрестер...

Здесь в подлиннике миссис Форрестер употребляет в эллиптическом предложении форму так называемого объектного падежа местоимения *me* вместо *I*, что многие считают грамматической небрежностью (кстати говоря, без достаточных оснований, ибо форма *me* в таких случаях давно уже стала нормой в разговорно-литературном языке). Поскольку в русском языке в системе личных местоимений ничего подобного нет, переводчица М. Лорие сочла необходимым прибегнуть к компенсации, употребив просторечно-фамильярную форму *чего* вместо литературного *что*, т. е. заменив личное местоимение на вопросительное и тем самым передавая ту же информацию что и в подлиннике, хотя и иными средствами.

You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said 'he don't' and 'she don't' and stuff like that...

Сразу было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили «хочут» и «хочете», и все в таком роде...

Как видно из примеров, компенсация используется особенно часто там, где необходимо передать чисто внутрilingвистические значения, характеризующие те или иные языковые особенности подлинника — диалектальную окраску, неправильности или индивидуальные особенности речи, каламбуры, игру слов и пр., а также когда не всегда можно найти прямое и непосредственное соответствие той или иной единице ИЯ в системе ПЯ.

Приёмы целостного преобразования и компенсации четко иллюстрируют, что эквивалентность перевода обеспечивается на уровне не отдельных элементов текста (в

частности слов), а всего переводимого текста в целом. Иначе говоря, существуют неперебиваемые частности, но нет неперебиваемых текстов.

Всякие лексические трансформации требуют от переводчика чувства меры и досконального знания переводимого текста связанной с ним обстановкой.

Таким образом, наличие большого количества слов широкого, абстрактного значения в английском языке, различия в значениях слов, сжатость выражения, возможная в английском языке благодаря наличию целого ряда грамматических структур и форм, требует при переводе введения дополнительных слов и даже предложений. Однако некоторые различия в привычном употреблении (узусе) вызывают опущения отдельных элементов английского предложения при переводе на русский язык. Все это объясняет широкое использование лексических трансформаций при переводе.

Литература:

1. [Бархударов Л.С., Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.](#)
2. [Бреус Е.В., Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учеб. пособ.– М.: УРАО, 2004. – 208 с.](#)
3. [Рецкер Я.И., Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Ермоловича Д.И. – 3-е изд., стер. – М.: Р.Валент, 2007. – 244с.](#)
4. [Мухортов Д.С., Практика перевода: английский – русский. учеб. пособ. 2-е изд. – М.: ЛИБЕРКОМ, 2009. – 256 с.](#)

Тема 3. Эквивалентность при переводе.

1. **Проблема переводимости.**
2. **Лингвоэтнический барьер.**

1. Проблема переводимости.

С развитием переводческой практики, у переводчиков крепло мнение о невозможности полноценного перевода, о том, что перевод представляет собой неразрешимую задачу. Наиболее категорично эту точку зрения высказал Вильгельм фон Гумбольдт в своем письме Августу Шлегелю, следующий отрывок из которого стал практически хрестоматийным в переводоведческой литературе: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только труднодостижимо, но и просто невозможно».

Это утверждение принципиальной невозможности перевода опиралось на положения идеалистической философии Гумбольдта, согласно которой каждый национальный язык определяет и выражает «дух», свойственный данному народу, а поэтому несводим ни к какому другому языку, как и своеобразие «духа» одного народа несводимо к своеобразию «духа» другого народа.

Т.е. каждый язык содержит уникальную «картину мира», определяющую мировосприятие говорящих на этом языке. Свое крайнее выражение этот взгляд нашел в «принципе лингвистического релятивизма» (гипотеза Сэпира-Уорфа), где язык и мышление отождествляются.

Согласно данной концепции, особенности каждого языка влияют на особенности мышления людей, пользующихся данным языком, а в результате этого содержание мысли,

выраженной на одном языке, в принципе не может быть передано средствами другого языка.

Таким образом, все представленные выше воззрения на возможность перевода можно обобщить в виде своего рода концепции непереводаемости.

В противоположность упомянутым выше теориям, метафизически абсолютизирующим роль языка в процессе познания и статически рассматривающим понятие культуры (как застывшего, неизменного образования), философия языка эпохи Просвещения (Декарт, Лейбниц, Вольф) манифестировала принцип абсолютной переводаемости, утверждая, что все языки есть лишь вариации некоего общего *lingua universalis* и для перевода важна лишь общность понятий.

Основанием концепции переводаемости, а точнее, концепции полной переводаемости является тот очевидный факт, что для всех народов реальная действительность в принципе едина и, следовательно, более или менее полно отражается во всех языках. Каждый народ выделяет в действительности примерно одинаковые, а иногда, и абсолютно одинаковые явления, отображаемые в каждом языке. А значит, всякое описание действительности на одном языке может быть перевыражено средствами другого языка благодаря наличию в этих языках одинаковых понятийных категорий.

На взгляд многих современных ученых, оба принципа — и принцип абсолютной непереводаемости, и принцип абсолютной переводаемости — недостаточно полно отражают реальную картину «взаимопереводаемости» языков, поскольку и тому и другому принципу недостает динамичности. Каждый язык представляет собой гибкое, многоликое, отнюдь не единое образование, и каждая культура тоже подвержена непрерывным изменениям. Если связь языка и культуры приводит к созданию уникальных языковых образований (простым примером таких образований являются формулы контакта, фразеологизмы, экзотизмы), то переводаемость будет зависеть от того, существует ли в данный Исторический момент коммуникативная взаимосвязь между этими образованиями в разных языках.

Можно выделить два фактора способствующие более полной, с течением времени, переводаемости.

Во-первых, это само развитие народов в широком смысле, влекущее за собой развитие национальных языков, их (взаимо-)обогащение и (взаимо-)развитие.

Во-вторых, большей переводаемости способствует увеличение числа межэтнических контактов. Увеличение контактов между народами способствует более глубокому познанию народами друг друга, что, в свою очередь, приводит к выравниванию национальных менталитетов, к восприятию народами тех понятий, которые существуют у других этносов.

Таким образом, вышеизложенное может служить основанием концепции неполной (ограниченной, относительной) переводаемости.

2. Лингвоэтнический барьер.

Очевидно, что потребность в переводе (деятельности переводчика) возникает только в тех случаях, когда людей, желающих вступить в общение, разделяет языковой барьер, который будет более правильным именовать лингвоэтническим, поскольку людей по разные стороны этого барьера обычно разделяет не только отсутствие общего языка, но и то, что связывают с понятием этноса: различия в культурах и национальной психологии, недостаточная информированность в вопросах текущей жизни чужой страны и т. п.

Уточним, что под общением (языковой коммуникацией) мы понимаем не только устную, но и письменную коммуникацию, а также не только личное общение (в личной беседе, посредством переписки и т. п.), но и общение с помощью книг и средств массовой коммуникации.

Как показывает практика, общение через лингвоэтнический барьер осуществляется различными способами, среди которых перевод лишь один из многих. Простейшим

средством взаимопонимания без общего языка являются жесты, которые бывают «естественными» (закрепившимися у народа в ходе его исторического развития) или конвенционными (т. е. установленными по договоренности).

К первым можно отнести, в частности, жесты согласия, несогласия, возмущения, восхищения и т. д.; ко вторым — жесты судьи на хоккейной площадке, регулировщика уличного движения и т. п. В некоторых специальных областях межнациональной коммуникации применяются разного рода универсальные коды: например, морской переговорный код. Специалисты преодолевают языковой барьер с помощью формул, которые могут сказать им больше, чем страницы текста. В последнее время широко используются так называемые пиктограммы — общепонятные символы, которыми обозначаются места для пассажиров с детьми, столовая, парикмахерская, вход, выход и т.д.

Естественно, что эти виды неязыковой коммуникации весьма ограничены в своих возможностях. Образно говоря, они представляют собой лишь крохотные окошечки в лингвоэтническом барьере и не дают возможности достаточно полного общения по широкой тематике. Поэтому разделенные лингвоэтническим барьером люди обычно обращаются к услугам языкового посредника — человека, владеющего языками и той и другой стороны. Деятельность языкового посредника именуется языковым посредничеством.

Понятие языкового посредничества не следует отождествлять с понятием «перевод». Перевод — лишь один из его видов. Помимо перевода существуют еще и другие виды языкового посредничества: пересказ, реферирование, составление информационных справок и т. п. Практикуются виды языкового посредничества, не имеющего «узаконенного» обществом статуса и наименования: например, когда заказчик (обслуживаемый языковым посредником человек) сообщает тому свою интенцию (то, чего он хочет добиться от своего партнера по ту сторону лингвоэтнического барьера), а языковой посредник уже самостоятельно строит соответствующий иноязычный текст, с которым и обращается к иноязычному участнику общения. То есть если в переводе переводчик получает от заказчика исходный текст и затем «преобразует» его в текст на другом языке, то при вышеописанном способе общения языковой посредник в качестве отправных точек для своей работы получает коммуникативное задание типа: «Спросите о том-то и том-то», «Постарайтесь их убедить в том-то и том-то». К данному типу языкового посредничества заказчик обращается в неформальной обстановке, полагая, что языковой посредник, лучше зная обстановку, культуру страны и наиболее подходящие способы выражения интенции, быстрее добьется желаемого результата, имея больше свободы, чем в случае перевода.

Общение через языкового посредника именуется двуязычной опосредованной коммуникацией. Первое определение в этом термине указывает, что в общении используется не один (как обычно), а два языка; второе — что общение происходит через языкового посредника (владеющего обоими языками).

В принципе возможно двуязычное общение и без языкового посредника. Так, например, русские и белорусы, норвежцы и шведы без особого труда могут понимать друг друга, говоря каждый на своем языке. Но этот специфический вид коммуникации не имеет отношения к языковому посредничеству, к переводу.

Литература:

1. [Бреус Е.В., Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учеб. пособ. – М.: УРАО, 2004. – 208 с.](#)
2. [Рецкер Я.И., Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Ермоловича Д.И. – 3-е изд., стер. – М.: Р.Валент, 2007. – 244с.](#)

3. Глоссарий переводческих терминов [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://study-english.info/translation-glossary.php>